

---

---

## VI. ПСИХОЛИНГВИСТИКА

---

---

УДК 81'232

С. В. Краснощекова

Институт лингвистических исследований РАН  
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

### ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ *КТО, ЧТО, КАКОЙ* И РЯДЫ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ НИХ МЕСТОИМЕННИЙ В ОНТОГЕНЕЗЕ

В статье рассматривается освоение русскоязычным ребенком местоимений рядов *кто, что* и *какой*, принадлежащих к вопросительному, неопределенному и отрицательному разрядам. В качестве материала были использованы лонгитудные данные — записи речи пяти детей в возрасте в среднем от 2 до 4 лет. Анализ функционально-семантических и морфолого-синтаксических особенностей местоимений в речи детей позволил сделать следующие выводы: скорость и легкость освоения ребенком местоимений рассматриваемых рядов зависит не только от их частотности в инпуте, но и от внутриязыковых характеристик каждой лексемы. Роль играет соединение функции, которую местоимение конкретного разряда выполняет в конкретном высказывании, и базового значения ряда: для ряда *что* подобным когнитивно удачным сочетанием является «конкретность + предметность», для ряда *кто* значение одушевленности связывается с меньшей степенью конкретности (возможно, за счет более позднего появления лексем этого ряда в речи). Признаковое значение ряда *какой* связывается с а) чистой неопределенностью (в том числе в ирреалисе) и б) дейктичностью, причем первично недейктические *какой* и *какой-то* в речи детей в относительно-указательных, эмфатических, актуализационных употреблении сближаются с указательным *такой*. Освоение морфолого-синтаксической стороны местоимений происходит у детей без существенных затруднений: почти отсутствуют ошибки при образовании формы, хотя наблюдается стратегия, близкая к стратегии избегания: дети предпочитают использовать только начальные формы местоимений (у отрицательных местоимений — не начальные, а самые частотные формы Р. п.), то есть местоимения имеют в речи маленьких детей наречные черты и могут восприниматься как неизменяемые. Основными синтаксическими особенностями являются употребление местоимений в составе типичных конструкций, осваиваемых целиком, и большое количество вопросительных предложений, в которых местоимение не переносится в начало. Библиогр. 26 назв.

*Ключевые слова:* освоение языка, онтолингвистика, детская речь, вопросительные местоимения, отрицательные местоимения, неопределенные местоимения.

---

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Sofia V. Krasnoshchekova

Institute for Linguistic Studies of the RAS  
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University

## INTERROGATIVE PRONOUNS *CHTO* 'WHAT', *KTO* 'WHO', *KAKOI* 'WHICH' AND LINES OF THEIR DERIVATIVES IN THE L1 ACQUISITION

The article examines the acquisition of pronouns of the lines *kto* 'who', *chto* 'what' and *kakoi* 'which', belonging to the interrogative, indefinite and negative groups, by Russian-speaking children. We have used longitudinal data, those being recordings of the speech of 5 children aged from 2 to 4 years. Analysis of the functional-semantic and morphological-syntactic features of pronouns in the speech of children allowed us to draw the following conclusions: children's speed and ease of mastering the pronouns depends not only on their frequency in the input, but also on the internal linguistic features of each lexeme. The role is played by the combination of the function of a pronoun in a specific utterance, and the basic meaning of the series: for example, in the *chto* 'what' line such cognitively successful combination is "concreteness + objectivity", and in the *kto* 'who' line "animacy" refers to the lesser level of "concreteness" (this may be explained by the later appearance of lexemes of this line in children's speech). The line of *kakoi* 'which' demonstrates association between the attributive meaning and a) pure indefiniteness (including non-concreteness in irrealis) and b) deicticity, when primarily non-deictic interrogative *kakoi* 'which' and indefinite *kakoi-to* 'some' in the speech of children in relative-demonstrative, emphatic, and actualizing contexts approach the demonstrative *takoi* 'such'. The development of the morphological and syntactic side of pronouns occurs in children without significant difficulties: there are almost no mistakes in the word formation, although children often follow a strategy close to the strategy of avoidance: children prefer to use only the initial forms of pronouns (including the Gen. forms of negative pronouns), so these pronouns adopt certain adverbial traits in the speech of young children and can be seen as unchangeable. The main syntactic features are the use of pronouns within typical constructions, acquired on the whole, and a large number of interrogative sentences in which the pronoun is not transferred to the beginning. Refs 26.

*Keywords:* first language acquisition, children's speech, negative pronouns, interrogative pronouns, indefinite pronouns.

### 1. ВВЕДЕНИЕ

Вопросительные местоимения и производные от них неопределенные и отрицательные в русском языке принадлежат к так называемому кванторному макроразряду [Откупщикова 1984]. Деление всех местоимений на дейктические и кванторные несколько условно и признается не всеми исследователями; иногда предпочитают выделять дейктические (дейктико-анафорические) местоимения и не объединять оставшиеся разряды в общую группу. Кроме того, кванторные местоимения возможно рассматривать в узком и в широком смысле. При узком подходе кванторными местоимениями, или квантификаторами, считаются только те, которые несут значение количества или иным образом связаны с идеей счета [Урунова, Азитова 2019] (в первую очередь в эту группу, следовательно,

входят местоимения всеобщности типа *всякий* [Зализняк, Падучева 2020]). Здесь мы придерживаемся расширенного подхода [Крылов 1989; Denić et al. 2020], то есть принимаем, что к кванторным местоимениям относятся все, которые нельзя назвать дейктическими. При таком подходе любое недейктическое местоимение подходит под классическое определение: кванторы так или иначе указывают на связь или соотношение референта с внеязыковой действительностью [Крылов, Падучева 1990].

Функциональная грамматика А. В. Бондарко, в парадигме которой выполнено это исследование, построена на теории функционально-семантических полей, организованных по принципу «центр — периферия» [Бондарко 2001]. Мы используем функционально-семантический полевой подход применительно к языковому онтогенезу: так, в центре местоименно-дейктического поля у детей, вероятно, лежат единицы, связанные с представлением о персональной и пространственной близости (*я, этот*). Местоименно-кванторное поле в языковой системе ребенка, по нашим представлениям, включает по крайней мере один отдельный кластер, куда входят вопросительные, неопределенные и отрицательные местоимения, теснее связанные между собой, чем с другими кванторными разрядами, — стоит говорить о центре и периферии внутри этого кластера; а также как минимум одно дополнительное ядро, в котором располагается местоимение *все*. В этом исследовании нас интересует именно вопросительно-относительно-неопределенный кластер, причем только та его часть, где находятся местоимения в строгом смысле, а не местоименные наречия.

Кванторные местоименные лексемы принято представлять в виде *рядов и серий*. Ряды — горизонтальные строки в воображаемой таблице — организованы вокруг производящей вопросительной лексемы; серии — воображаемые вертикальные столбцы — имеют общий формальный показатель (*ни-, -то, бы то ни было*) и единое значение (отрицание, неопределенность как «нечто неизвестное говорящему» и др.). Объектом данного исследования являются ряды, связанные с лексемами *кто, что, какой*, включающие серии на  $\emptyset$  (вопросительные), *ни-* (отрицательные), *-то, -нибудь, кое-* (неопределенные). Основной задачей является рассмотреть и проанализировать функционально-семантические и формально-грамматические особенности этих местоимений в речи русскоязычных детей, причем основное внимание будет уделено их формальным (морфологическим и синтаксическим) признакам, так как их функции и значения уже освещались нами в [Краснощекова 2020].

## 2. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Формальная и функциональная связь местоимений одного ряда в системе языка в целом неоднократно отмечалась в литературе [Onea 2020]. Русский язык предлагает типологически частотную, характерную для многих языков мира схему организации ряда вокруг вопросительного центра и демонстрирует типичные эффекты перехода функций из одного разряда в другой. Так, часто отрица-

тельные местоимения рассматриваются не как отдельный разряд, а как особая серия неопределенных: говорят о неопределенно-отрицательных местоимениях (negative indefinites) [Trajkovski 2018]. Русские вопросительные местоимения могут иметь неопределенное (например, *какой*) и отрицательное (например, *что*) значения [Труфанова 2016; Труфанова 2020]. Переход функций наблюдается и в речи детей: этому способствует в том числе сложность системы неопределенных местоимений — каждая серия имеет одно базовое значение и при этом способна выражать несколько дополнительных из общего набора неопределенных значений [Haspelmath 1997: 2–3]. В этой связи представляется, что если говорить о речи взрослых, то формально в центре кластера находится вопросительная лексема, но функционально на первое место выходит неопределенность, так как вопросительные и отрицательные значения также можно представить как разновидности значений неопределенности, известности и неизвестности говорящему и слушающему: вопросительное значение — «неизвестный говорящему; возможно, известный слушающему». Мы предполагаем, что для речи детей это менее актуально, так как освоение кванторных значений происходит с опорой на конкретные референты и конкретные ситуации; неопределенность, или неконкретность, как идея когнитивно сложнее, чем чистая вопросительность или отрицательность. С этим связано, например, позднее появление в речи детей серии на *-нибудь*, выражающей значение «неконкретный референт / неопределенность в ирреалисе».

Кванторные местоимения в онтогенезе на данный момент изучены менее подробно, чем дейктические: определенное количество работ посвящено освоению кванторов в узком смысле и примыкающих к ним неопределенных местоимений [Katsos et al. 2016; Crain 2017]. Отрицательные местоимения обычно рассматриваются в рамках исследований по освоению разных способов выражения отрицания [Цейтлин 2017]: известно, что в русском языке они обычно возникают у детей тогда, когда уже освоено приглагольное отрицание, и не вызывают существенных затруднений. Больше всего в настоящее время известно об освоении вопросительных местоимений: работы на русскоязычном материале [Елисеева, Вершинина 2018; Казаковская 2019] анализируют диалогическое взаимодействие взрослого и ребенка и рассматривают сроки, порядок, особенности возникновения вопросительных лексем в речи ребенка раннего возраста. Многие классические [Allendorff, Wode 1981; Van Valin 1998] и современные работы на типологически разнородном материале посвящены освоению вопросительных синтаксических конструкций и стремятся выяснить, в каком возрасте и каким образом ребенок осваивает правила перемещения вопросительного слова (*wh*-перемещение в генеративной научной парадигме [Pearl, Sprouse 2013]), либо классифицируют типичные детские ошибки в порождении подобных конструкций [Rowland et al. 2005].

### 3. МАТЕРИАЛ, МЕТОДЫ, ПЕРВИЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

#### 3.1. Материал и методы

Исследование основывается на материале лонгитюдных наблюдений — расшифровках аудио- и видеозаписей в формате CHILDES с морфологической разметкой и родительских дневниках. Материалы были предоставлены Фондом данных детской речи РГПУ им. А.И.Герцена и ИЛИ РАН. Были проанализированы данные речи пяти детей: Вани (2,3–5,4), Вити (2,1–5,6), Кирилла (2,3–6,6), Лизы (2,1–6,3) и Филиппа (1,8–2,8), при этом нижняя возрастная граница — возраст, в котором зафиксирована первая из анализируемых лексем; верхняя — возраст, в котором были прекращены наблюдения (в корпусах Вани, Вити и Лизы после 4 лет отсутствуют размеченные расшифровки регулярных записей, поэтому данные для более старшего возраста брались только из родительских дневников; в корпусе Кирилла есть пропуск продолжительностью около года, между 3,0–4,2).

Из корпусов методом сплошной выборки были извлечены высказывания с интересующими нас местоимениями. Не все возможные лексемы реально присутствуют в материале: ни разу не обнаружены неопределенные местоимения *кое-какой* (при этом *кое-кто* и *кое-что* зафиксированы только у одного из детей, Кирилла), серии на *не-* (*некто*, *нечто*) и *бы ни / бы то ни было*; маргинальна серия на *угодно* (*что угодно* зафиксировано только один раз у Филиппа).

Дальнейший анализ контекстов позволил выделить наиболее характерные для детской речи функции и значения местоимений и определить их типичные грамматические черты.

#### 3.2. Количественные результаты

Общее число контекстов составляет 1902, из них с вопросительными местоимениями (учитываются и вопросительные, и относительные употребления) — 1380 (73%), с неопределенными — 392 (20%) и с отрицательными — 130 (7%). Это распределение не противоречит данным инпута — речи взрослых собеседников детей, — однако не во всем соответствует сведениям о частотности лексем в современном русском языке. Сравнение частотности местоимений в нашем материале и в «Частотном словаре» [Ляшевская, Шаров 2009] приведено в табл. 1. Для представления неопределенных местоимений выбрана серия на *-то*, так как в детской речи именно она занимает абсолютное большинство контекстов (89% от всех неопределенных местоимений). Проценты в таблице показывают отношение количества контекстов с конкретной лексемой к общему количеству контекстов с местоимениями соответствующего ряда.

Превалирование вопросительных местоимений над другими очевидно и у детей, и у взрослых. Несоответствие наблюдается в частотности отрицательных и неопределенных местоимений рядов *кто* и *что*: у детей больше неопределенных, чем отрицательных; у взрослых — отрицательных, чем неопределенных.

Таблица 1. Частотность местоимений в детской речи и в современном русском языке (по данным «Частотного словаря»)

Местоимение	Детская речь: всего контекстов	Всего в ряду <sup>1</sup>	Детская речь: %	Современный русский язык (ipm)
кто	285	392	72,70	1374,8
кто-то	59		15,05	312,0
никто	41		10,46	562,2
что	513	706	72,66	3810,2
что-то	97		13,74	667,6
ничто	71		10,06	902,8
какой	582	804	72,39	1091,7
какой-то	185		23,01	762,6
никакой	18		2,24	383,7

Это свидетельствует о том, что отрицательные местоимения для детей относятся к нецентральному средству выражения отрицательности: вероятно, для детей в определенном возрасте достаточно прилагательного отрицания. Так, можно заметить, что резкий рост числа отрицательных местоимений начинается у Кирилла после 5 лет; у других детей регулярные записи в этом возрасте уже не ведутся. Таким образом, отрицательные местоимения можно отнести к поздно осваиваемым. Интересно, что несоответствия нет в ряду *какой*: *никакой* отстает по частотности от *какой-то* и у взрослых, и у детей.

Количественные данные можно представить и в обратном ракурсе, взяв за основу не ряды, а разряды: как отношение числа контекстов с каждой лексемой к общему числу контекстов с местоимениями одного разряда. Процентные данные приводятся в табл. 2.

Таблица 2. Отношение числа контекстов с каждой лексемой к общему числу контекстов с местоимениями одного разряда, %

Разряд/ряд	Местоимение		
	какой	кто	что
Вопросительные	42,17	20,66	37,17
Неопределенные	52,04	16,84	31,12
Отрицательные	13,85	31,54	54,61

<sup>1</sup> В этом столбце приводится количество всех контекстов с вопросительными, отрицательными и неопределенными местоимениями, включая серии на *-нибудь* и *ко-*, которые не учитываются в первом столбце.

Можно заметить, что ряд *какой* оказывается на первом месте среди неопределенных местоимений (то есть лексема *какой-то* является самой частотной по отношению к другим неопределенным); ряды *какой* и *что* — среди вопросительных; ряд *что* (лексема *ничто*) — среди отрицательных. Рассмотрим далее особенности местоимений в каждом из рядов и прокомментируем это распределение в соответствующих подразделах.

#### 4. ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ РАЗНЫХ РЯДОВ

##### 4.1. Ряд *что*

Как было указано выше, местоимения ряда *что* стоят на первом месте по частотности внутри вопросительного и отрицательного разрядов. Это обусловлено в первую очередь инпутом (ср. данные в табл. 1: в речи взрослых вопросительное местоимение *что* примерно в 3–4 раза частотнее *кто* и *какой*, отрицательное *ничто* — в 2–3 раза частотнее *никто* и *никакой*). Заметим в скобках, что вопросительное местоимение *какой* в речи детей, в противоречие данным «Частотного словаря», делит первое место с *что*: уделим внимание этому вопросу в разделе 4.3, посвященном местоимениям ряда *какой*. Кроме того, определенное влияние имеет и семантика: принимая, что обобщенным значением местоимений ряда *что* является предметность, получаем, что в развивающейся языковой системе ребенка значение предметности теснее связывается с вопросительностью и отрицательностью, чем с неопределенностью. Хотя в теории местоименной референциальности вопросительность ставится в один ряд с неопределенностью (значение «неизвестный говорящему; возможно, известный собеседнику»), в детской речи вопросительность и неопределенность, вероятно, отстоят друг от друга: первые детские вопросы строго конкретны и в основном направлены на непосредственно наблюдаемую ситуацию. Вопросительное *что* обычно указывает на предмет, который уже находится в поле зрения собеседников, а не на отвлеченный неизвестный референт ((1–2), ср. также (3), где вопросительное местоимение выполняет относительно-указательную функцию):

- (1) А *что* у тебя там? (Филипп, 1,8<sup>2</sup>);
- (2) Это, *что* это стучит? (Ваня, 2,7,2);
- (3) Смотри, у меня *что* получилось (Ваня, 2,8,17).

Отрицать наличие предмета также когнитивно легче, чем наличие признака: *ничего* возникает у большинства детей как ответ на вопрос *что* (4) и вскоре развивает значение, которое можно определить как «*всё* со знаком минус»<sup>3</sup> (5).

<sup>2</sup> Возраст детей приводится в формате «год, месяц, (день)», то есть указывается количество полных лет, месяцев и дней (если есть).

<sup>3</sup> В этой связи было бы интересно в дальнейшем провести анализ взаимодействия отрицательных и универсальных местоимений в речевом онтогенезе.

(4) В<sup>4</sup>: А **что** она делает? — Р: **Ничего** (Филипп, 2,4);

(5) Ну, и **ничего** не останется (Лиза, 2,10).

Неопределенные значения местоимений ряда *что* у детей до 3 лет сводятся к «неизвестный говорящему» (*что-то* = *не знаю что* (6)) и, маргинально, «известный говорящему» (*кое-что* = *знаю что, но не говорю* (7)), причем здесь уже не обязательна строгая отсылка к непосредственно наблюдаемому референту; серия на *-нибудь* появляется у всех детей после 3 лет и начинает употребляться регулярно после 4.

(6) Принесём **что-то** вкусненькое, колбаску (Витя, 2,8,9);

(7) Сейчас я ей сделаю **кое-что** (Кирилл, 2,10).

Таким образом, чем ближе значение местоимения связывается с конкретностью, чем более вероятно присутствие референта в наблюдаемой ситуации, тем более перцептивно выпуклым оказывается местоимение для ребенка. Из этого следует его раннее освоение и частотность в речи.

Морфологические характеристики местоимений ряда *что* не вызывают у детей сложностей: хотя абсолютное большинство контекстов занято формами И. п. и В. п. (в совокупности свыше 90 % для вопросительного — в соотношении И. п. и В. п. 2:1 — и неопределенных — в соотношении 1:1), а также Р. п. и В. п. (84 % для отрицательного, 1:2), дети редко, но без труда образуют косвенные формы *чем*, *чего* и т. д. (референциальные дети — Лиза и Филипп — делают это активнее, чем экспрессивные, которые предпочитают оперировать только формой *что/что-то*); в нашем материале не отмечаются формообразовательные инновации. Разнообразии косвенных форм выше у *ничего*, чем у других местоимений ряда *что*: возможно, *что* и *что-то* изначально осваиваются ребенком как некие короткие неизменяемые комплексы, сходные с местоименными наречиями (ср. рано осваиваемые и частотные у детей местоимения *это*, *всё*). Гипотетически, изначально косвенная форма *ничего*, которая извлекается из инпута и осваивается как базовая вместо «словарной» *ничто* (*ничто* ни разу не зафиксировано в нашем материале), при сопоставлении с парной *что* в диалогах с собеседниками, с одной стороны, дает ребенку представление о возможности употребления и других косвенных форм (*ни с чем*, *ничему*, *ни о чем* и др.), то есть «санкционирует» более активное формообразование. С другой стороны, *ничего* даже не на самой ранней стадии употребления может появляться в ответ на вопрос взрослого, требующий другой падежной формы (8), то есть на протяжении определенного времени используется как универсальное неизменяемое отрицательное средство.

(8) В: А с чем мы будем ещё яичницу? — Р: Больше **ничего** (Ваня, 3,5,8) — ср. *больше ни с чем*.

<sup>4</sup> Здесь и далее в примерах диалогической речи: В — взрослый, Р — ребенок.



Что касается синтаксических характеристик, то дети предпочитают использовать *что* в функции субъекта, обычно — субъекта в конструкциях *что это* и *что такое* — стандартных, но не замороженных (возможен вариант *это что*); *ничего*, *что-то*, *что-нибудь*, *кое-что* — в позиции объекта при глаголах конкретного действия (*есть*, *дать*, *купить*) и речи/мысли (*говорить*, *понимать*), причем два последних местоимения — в абсолютном большинстве контекстов в нашем материале, 12 из 15 у *что-нибудь* и 8 из 8 у *кое-что*; *что-то* — также в роли субъекта в высказываниях с локативным значением (*там что-то есть*), с прилагательными (*что-то синее*) и, реже, при глаголах (*что-то упало*, *что-то случилось*); отдельно следует упомянуть обстоятельственное *что-то* в значении «почему-то». Таким образом, вопросительное местоимение ряда *что* оказывается для ребенка в первую очередь «субъектным», отрицательное и большинство неопределенных — «объектными».

Одной из подробно описанных особенностей детских вопросительных конструкций является нестандартный порядок слов, при котором вопросительное местоимение не выносится на первое место, а остается там, где должен стоять соответствующий невопросительный элемент. В нашем материале подобные конструкции также присутствуют: вопросительное слово располагается в середине (9) или конце (10) предложения в 50 % случаев:

- (9) *А это он **на чём** катается?* (Лиза, 3,0,26);  
 (10) *Ещё нам надо **что**?* (Витя, 2,9,22).

Такие конструкции, однако, не запрещены в разговорной речи взрослых и не вызывают у взрослых собеседников ребенка трудностей при понимании.

#### 4.2. Ряд *кто*

Местоимения ряда *кто* менее частотны в детской речи, чем местоимения других рядов: в нашем материале контексты с ними занимают около 20 % от всех анализируемых контекстов, что примерно в два раза меньше, чем контексты с рядами *что* и *какой* (приблизительно по 40 % каждый). Распределение справедливо для всех разрядов: в детской речи *кто*, *никто*, *кто-то* стоят на последнем месте относительно местоимений других рядов, причем только отрицательное *никто* преодолевает границу в 20 % (31 % от всех контекстов с отрицательными местоимениями в нашем материале). Данные детской речи совпадают с данными «Частотного словаря» только для неопределенного *кто-то*: *кто* и *никто* используются взрослыми реже, чем *что* и *ничто*, но чаще, чем *какой* и *никакой* (см. табл. 1). Не обнаружено и корреляции с возрастом: по нашему материалу нельзя сказать, что чем старше ребенок, тем больше в его речи «удельный вес» местоимений ряда *кто*. Возможно, причины периферийного положения ряда *кто* в речи детей лежат в области прагматики: дети реже взрослых сталкиваются с ситуациями «неопределенности» (в широком смысле, включающем вопроси-

тельность) одушевленного<sup>5</sup> референта — либо *кто* для ребенка любого возраста меньше связано с конкретностью референта и поэтому сложнее для освоения, чем *что*. Еще до 3 лет ребенок способен указывать при помощи вопросительного *кто* на полностью неизвестного, отсутствующего в ситуации референта (11), хотя такие употребления маргинальны, и в большинстве случаев *кто* функционирует так же, как *что*, отсылая к референту, наблюдаемому в ситуации (12).

(11) Где пёс? <...> **Кто** взял пёс [= пса]? (Филипп, 2,8);

(12) Это **кто** жёлтый? (Ваня, 2,11,27).

Ситуация с развитием отрицательного *никто* и неопределенного *кто-то* сходна с ситуацией в ряду *что*: *никто* возникает на несколько месяцев позже, чем *ничто* (в форме *ничего*), но точно так же приобретает значение, обратное универсальному, — «все со знаком минус» (13); до 4 лет не используется *кто-нибудь*; неопределенное *кто-то* означает «неизвестный говорящему». Однако при этом выключенность референта из ситуации прослеживается более явно, чем в ряду *что* (14).

(13) Там **никого** нет (Витя, 2,7,24);

(14) Просто **кто-то** его обидел (Филипп, 2,8).

Таким образом — возможно, за счет более позднего освоения ряда *кто* по сравнению с рядом *что* — примат конкретности не так актуален в детской речи для одушевленных, как для предметных референтов.

Как и в предыдущем случае, формообразование местоимений ряда *кто* не вызывает у детей трудностей, при этом дети используют в основном начальную форму — форму И.п. (около 80% у *кто* и *кто-то* и 70% у *никто*). Вторыми по частотности являются формы В.п. и Р.п., то есть абсолютное большинство контекстов занято формами *кто* и *кого* и их производными. Репертуар других косвенных форм крайне скуп: Т.п и П.п. отмечаются только у вопросительного местоимения, не зафиксированы употребления неопределенных местоимений с предлогом. Небольшое разнообразие косвенных форм объясняется в первую очередь узостью выборки: при большем количестве контекстов возросла бы вероятность зафиксировать редкую падежную форму. Тенденция детей использовать в основном начальные формы, сближающая склоняемые местоимения с неизменяемыми местоименными наречиями, была замечена и на материале местоимений других разрядов: подобным образом дети работают с лексемами *этот*, *такой*, *весь* — косвенные формы полных имен употребляются активно, но определенные относительно рано возникающие в лексиконе ребенка местоимения тяготеют к неизменяемости (это не касается личных местоимений).

<sup>5</sup> Свою роль может играть и то, что у ребенка 2–3 лет не полностью сформирована категория одушевленности/неодушевленности: так, согласно [Цейтлин 2007: 204], некоторые дети в этом возрасте еще не различают местоимения *кто* и *что*.

Интересно, что поздно осваиваемое *кто-нибудь*, напротив, легко склоняется: из 6 обнаруженных в материале контекстов с ним 2 включают *кого-нибудь* и еще 2 — *кому-нибудь*. Формообразовательных инноваций с анализируемыми местоимениями не обнаружено; нет сложностей и с образованием разорванных форм отрицательных местоимений с предлогом: в материале зафиксировано *ни на кого* (Ваня, 2,11), *ни у кого* (Филипп, 2,8).

В синтаксическом отношении вопросительное *кто* обычно выполняет функцию субъекта в экзистенциальных предложениях (*кто там?*) и предложениях тождества (*кто это, ты кто?*), реже — при глаголах конкретного действия (*кто упал?*), неопределенное *кто-то* и отрицательное *никто* — субъекта при глаголах действия (*кто-то пришел; никто не подарил*), кроме того, *никто* используется в конструкции типа *никого нет* и в роли объекта при ответах на вопросы, включающие глаголы действия. Из типичных синтаксических конструкций стоит отметить *кто это, кто такой, никого нет*. Они образуются по аналогии с *что это, что такое, ничего нет* — ср. случай, где форма ср. р. сочетается с *кто* (15). Кроме того, в ситуации игры нередко конструкция *кто там?* — ребенок реагирует на игровой стук в дверь (16).

(15) *А это-то, кто это такое?* (Кирилл, 2,9) — на форму влияет также ср. р. местоимения *это*;

(16) «*Кто там?*» — *отвечали солдатики* (Витя, 2,9,6) — ребенок говорит от лица игрушек и комментирует фразу.

Вопросительные конструкции, в которых *кто* занимает нена начальную позицию, так же частотны, как с вопросительным *что* (около 50%) случаев; при этом большинство из них — разрешенные в стандартном русском языке сочетания типа *это кто* и *ты кто*.

### 4.3. Ряд какой

Местоимения ряда *какой* в речи детей занимают лидирующее положение в неопределенном разряде (52% от всех контекстов с неопределенными местоимениями) и делят первое место с местоимениями ряда *что* в вопросительном разряде (около 40%). Второе обусловлено частотностью относительных придаточных (*смотри, какой X*, (17)) и указательных (*вот какой X*, (18)) конструкций с дополнительным оттенком эмпазы, то есть центральной для *какой* является не строго вопросительная, а указательно-относительная функция. В речи взрослых (см. табл. 1) вопросительное *какой* используется реже, чем *кто* и *что*, что можно объяснить снижением с возрастом числа дейктических употреблений вопросительного местоимения (см. подробнее [Krasnoshchekova 2021]).

(17) *Смотри, какой гусь* (Ваня, 2,8,1);

(18) *Вон какие цыплята приходили домой* (Лиза, 2,10).

Неопределенное местоимение *какой-то* выражает не только значение «не знаю какой» (19), но и значение «неизвестный референт в ирреалисе», характерное в речи взрослых в первую очередь для *какой-нибудь* (20); кроме того, ребенок нередко употребляет *какой-то* для усиления / актуализации информации в своем высказывании (21) — это значение можно назвать неопределенным только условно (неопределенный признак: у референта имеется некий признак, отличающий его от других референтов, но точно определить его невозможно и нет необходимости), оно сопоставимо с актуализационным значением у указательного местоимения *такой* [Сатюкова, Воейкова 2010: 205].

- (19) *Кажется, по полю едет какой-то грузовик... по полю* (Кирилл, 2,11) — значение неопределенности распространяется с атрибута на референт (неизвестно, что за грузовик) и придает оттенок неуверенности всему высказыванию;  
 (20) *Сделай узор какой-то* (Витя, 3,6,0) — ср. *сделай узор какой-нибудь*;  
 (21) *Смотри, какой-то жираф* (Ваня, 2,7,15) — ср.: *смотри, жираф такой*.

Отрицательное местоимение *никакой* используется крайне редко (всего 18 контекстов в нашем материале; в этом нет резкого противоречия с речью взрослых, где *никакой* тоже отстает от *какой* и *какой-то*, см. табл. 1). Таким образом, частотными оказываются те употребления местоимений ряда *какой*, которые по функции близки к указательному *такой* — указательно-относительные, эмфатические, актуализационные. Базовое признаковое / атрибутивное значение местоимений ряда *какой* или связывается с областью дейксиса, формируя смычку между двумя макроразрядами местоимений — дейктическими и кванторными, или отсылает к тому варианту неопределенности, который затрагивает не конкретный референт, а всю ситуацию в целом. Здесь в отличие от предыдущих случаев не наблюдается взаимодействия с семантическим параметром «конкретность референта».

При образовании форм ребенок работает с местоимениями ряда *какой* так же, как с полнозначными прилагательными, то есть использует верные окончания адъективного склонения. В этом ряду также главенствуют формы И.п.: 75 и 83 % у неопределенных и вопросительных местоимений; у отрицательных основная роль ожидаемо отводится формам Р.п. (10 контекстов из 18), на втором месте — формы В.п., другие падежные формы употребляются минимально, причем наибольшее разнообразие наблюдается у вопросительных, наименьшее — у отрицательных (только И.п., В.п., Р.п.). Количественное соотношение форм рода и числа отсылает к количеству существительных в соответствующих формах в детских репликах: примерно поровну м. р. и ж. р., менее 10 % с. р.; ед. ч. и мн. ч. распределены примерно как 4:1; между рядами значимых различий нет. Интересно, что в В.п. первое место занимают формы ж. р. (*какую, какую-то, какую-нибудь*); такая же ситуация отмечается и с другими изменяемыми по родам адъективными местоименными лексемами — дети чаще используют в В.п. *эту*, чем *этой*; *такую*, чем *такой*; мы предполагаем, что это связано с перцептивной

выпуклостью, четкостью окончания. В других косвенных падежах тоже наблюдается превалирование форм ж. р., однако контекстов в нашем материале недостаточно, чтобы делать статистические выводы (не более 10 для Д. п., Т. п., П. п.). Ошибки при образовании форм связаны с неверным выбором окончания из парадигмы рода-числа, но не падежа: *какая* вместо *какие*, *какое* вместо *какая* и др.

В синтаксическом аспекте местоимения ряда *какой* обычно занимают позицию атрибута при существительном, реже — предиката. Местоимение может стоять в препозиции или постпозиции к существительному либо, при эллипсисе, использоваться изолированно. Постпозиция более характерна для неопределенных местоимений, причем именно постпозитивное *какой-то* тяготеет к выражению значения актуализации. Между *какой* (22) (23) или *какой-то* (24) и существительным также может помещаться сказуемое или более длинный отрезок; вопросительное местоимение в таких конструкциях обычно выполняет относительную или относительно-указательную функцию, однако иногда они возникают и в прямых вопросах (22). В речи взрослых конструкции с подобной инверсией не запрещены.

- (22) *Какой ты хочется* [= тебе хочется / ты хочешь] *цвет?* (Кирилл, 2,11) — ср.: *какой цвет тебе хочется*;
- (23) *Видишь, какая будет* [= какие будут] *чистенькие волосики* (Лиза, 2,9) — ср.: *какие чистенькие будут волосики, какие чистенькие волосики Р*;
- (24) *Какая-то получилась площадка* *другая* (Ваня, 2,8,1) — ср.: *получилась какая-то другая площадка*.

Вопросительных конструкций, в которых местоимение не выносится вперед, меньше, чем с *кто* и *что* (около 40% по сравнению с 50% в предыдущих случаях), но грамматически они устроены так же (25):

- (25) *Эта машина какой марки?* (Ваня, 3,4,6).

## 5. ВЫВОДЫ

Скорость и легкость освоения ребенком местоимений рядов *кто*, *что*, *какой* зависит не только от их частотности в инпуте — речи взрослых, обращенной к ребенку, — но и от собственно языковых характеристик каждой лексемы. В функционально-семантическом отношении роль играет сочленение функций или значений: функция, которую местоимение конкретного разряда выполняет в конкретном высказывании, либо основное семантическое наполнение местоимений одного разряда накладывается на базовое значение ряда. Так, для ряда *что* подобным когнитивно удачным сочетанием оказывается «конкретность + предметность», где предметность — базовое значение ряда *что*, а конкретность — то значение, которое местоимения этого ряда чаще всего принимают в самых ранних детских высказываниях: вопросительное *что* указывает на предметы, непосредственно наблюдаемые в ситуации; неопределенное *что-то* означает «неизвестный говорящему, но не неопределенный». Для *кто* значение одушевленности связы-

ваются уже с меньшей степенью конкретности (возможно, за счет более позднего появления лексем этого ряда в речи). Сфера конкретности пересекается со сферой включенности в ситуацию (отсылает ли местоимение к непосредственно наблюдаемому референту или к референту, так или иначе выключенному из коммуникативной ситуации) и с разными градациями неопределенности (от простой неизвестности до чистой неопределенности в ирреалисе). Таким образом, для местоимений-существительных рядов *что* и *кто* актуальным является следующий рисунок: чем больше степень конкретности и включенности в ситуацию и чем меньше степень неопределенности, тем раньше осваивается данная лексема (или функциональный подвариант лексемы) и тем чаще она используется ребенком.

Освоение местоимений ряда *какой* следует другой парадигме, не имеющей отношения к области конкретности. Атрибутивность/признаковость *какой* связывается с а) чистой неопределенностью (в том числе в ирреалисе — то значение, которое является «сложным» для *кто* и *что*) и б) дейктичностью, то есть *какой* и *какой-то* в речи детей во многих случаях (относительно-указательные, эмфатические, актуализационные употребления) сближаются с указательным *такой*.

Освоение морфолого-синтаксической стороны анализируемых местоимений происходит у детей без существенных затруднений: почти отсутствуют ошибки при образовании формы (исключение — небольшое количество ошибок согласования в роде и числе местоимения *какой* с существительным), что, вероятно, связано с тем, что косвенные формы этих местоимений возникают в речи детей тогда, когда местоименное склонение уже освоено на другом материале, например на базе рано возникающего *этот*. В первое время, однако, наблюдается стратегия, близкая к стратегии избегания: дети предпочитают использовать только начальные формы местоимений: И. п. и В. п. в ряду *что*, И. п. в ряду *кто* и *какой*, а также — отметим отдельно — Р. п. и В. п. в отрицательном разряде (формы *ничего*, *никого* являются для ребенка первичными); то есть местоимения имеют в речи маленьких детей наречные черты и могут восприниматься как неизменяемые (и позже малоизменяемые). Основными синтаксическими особенностями являются а) употребление местоимений в составе типичных конструкций, осваиваемых целиком: *что это такое*, *ничего нет* и др. и б) большое количество вопросительных предложений, в которых местоимение не переносится в начало; подобные предложения не запрещены в речи взрослых, но менее частотны.

## Литература

- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Елисеева М. Б., Вершинина Е. А. Умеет ли ребенок отвечать на вопросы? (по материалам анализа Макартуровских опросников и case study) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 189. С. 28–43.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. Русское адъективное местоимение *всякий*: семантика и идиоматика // Вопросы языкознания. 2020. № 1. С. 7–26. DOI: 10.31857/S0373658X0008264-9

- Казаковская В. В. Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок»: психолингвистический аспект. М.: Книжный дом «Либроком», 2019.
- Краснощечкова С. В. Ряды местоимений, организованные вокруг вопросительно-относительного центра: освоение и использование детьми // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 97–104. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-196-97-104
- Крылов С. А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир: ВГПИ им. П. И. Лебедева-Полянского, 1989. С. 5–12.
- Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимение // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 294–295.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Откупицкова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л.: ЛГУ, 1984.
- Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. 2010. Т. 6. Ч. 2. С. 184–224.
- Труфанова И. В. Неопределенное местоимение *какой* // Экология языка. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 18–23.
- Труфанова И. В. Отрицательное местоимение *что* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 625–658. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-625-658
- Урунова Р. Д., Азитова Г. Ш. К вопросу об особенностях кванторных местоимений // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 124–128.
- Цейтлин С. Н. Семантическая категория посессивности в русском языке и ее освоение ребенком // Семантические категории в детской речи. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 201–219.
- Цейтлин С. Н. К вопросу о формировании промежуточной языковой системы ребенка: наблюдения над освоением отрицательных конструкций // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. № 3. С. 623–650.
- Allendorff S., Wode H. Some overgeneralizations in the L1 acquisition of interrogative pronouns // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1981. Vol. 19. No. 1–4. P. 31–44.
- Crain S. Acquisition of Quantifiers // Annual Review of Linguistics. 2017. No. 3 (1). P. 219–243.
- Denić M., Steinert-Threlkeld S., Szymanik J. Complexity/informativeness trade-off in the domain of indefinite pronouns // Proceedings of SALT 30. Ithaca: Cornell University, 2020. P. 166–184.
- Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Katsos N., Cummins C., Ezeizabarrena M.-J., Gavarró A., Kraljević J. K., Hrzica G. Acquisition of quantifiers // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. No. 113 (33). P. 9244–9249. DOI: 10.1073/pnas.1601341113
- Krasnoshchekova S. Functioning of Pronominal Lexemes *kakoj* ‘which’ and *kak* ‘how’ in the Speech of Russian Children // Psycholinguistics. 2021. No. 29 (2). P. 103–124. DOI: 10.31470/2309-1797-2021-29-2-103-124
- Onea E. Indefinite-Interrogative Affinity // The Wiley Blackwell Companion to Semantics. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., 2020. P. 1–33. DOI: 10.1002/9781118788516.sem117
- Pearl L., Sprouse J. Syntactic islands and learning biases: combining experimental syntax and computational modeling to investigate the language acquisition problem // Experimental Syn-

tax and Island Effects. Vol. 20. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 23–68. DOI: 10.1080/10489223.2012.738742

Rowland C. F., Pine J. M., Lieven E. V. M., Theakston A. L. The Incidence of Error in Young Children's Wh-Questions // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2005. Vol. 88. Iss. 2. P. 384–404. DOI: 10.1044/1092-4388(2005/027)

Trajkovski M. Nobody and nothing: About the meaning of negative indefinite pronouns // *Theoria*, Beograd. 2018. Vol. 61. Iss. 4. P. 5–19. DOI: 10.2298/THEO1804005T

Van Valin R. D. The acquisition of WH-Questions and the Mechanisms of Language Acquisition // *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1998. P. 221–249.

## References

Allendorff S., Wode H. Some overgeneralizations in the L1 acquisition of interrogative pronouns. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 1981, vol. 19, no. 1–4, pp. 31–44.

Bondarko A. V. *Principles of the functional grammar and questions of aspectology*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. (In Russian)

Crain S. Acquisition of Quantifiers. *Annual Review of Linguistics*, 2017, no. 3 (1), pp. 219–243.

Denić M., Steinert-Threlkeld S., Szymanik J. Complexity/informativeness trade-off in the domain of indefinite pronouns. *Proceedings of SALT 30*. Ithaca, Cornell University, 2020, pp. 166–184.

Eliseeva M. B., Verzhinina E. A. Can a child answer questions? (based on the data from MacArthur questionnaires and case study). *Izvestiia RGPU im. A. I. Herzena*, 2018, no. 189, pp. 28–43. (In Russian)

Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford, Oxford University Press, 1997.

Katsos N., Cummins C., Ezeizabarrena M.-J., Gavarró A., Kraljević J. K., Hrzica G. Acquisition of quantifiers. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2016, no. 113 (33), pp. 9244–9249. DOI: 10.1073/pnas.1601341113

Kazakovskaia V. V. *Question and answer in the adult-child dialogue: a psycholinguistic aspect*. Moscow, Knizhnyi dom Librokom Publ., 2019. (In Russian)

Krasnoshchekova S. V. Lines of pronouns organized around an interrogative-relative center: acquisition and use by children. *Izvestiia RGPU im. A. I. Herzena*, 2020, no. 196, pp. 97–104. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-196-97-104 (In Russian)

Krasnoshchekova S. Functioning of Pronominal Lexemes *kakoj* ‘which’ and *kak* ‘how’ in the Speech of Russian Children. *Psycholinguistics*, 2021, no. 29 (2), pp. 103–124. DOI: 10.31470/2309-1797-2021-29-2-103-124 (In Russian)

Krylov S. A. On the semantics of pronominal words and phrases. *Russkie mestoimeniia: Semantika i grammatika*. Vladimir, VGPI im. P. I. Lebedeva-Polianskogo Press, 1989, pp. 5–12. (In Russian)

Krylov S. A., Paducheva E. V. Pronoun. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1990, pp. 294–295. (In Russian)

Liashevskaja O. N., Sharov S. A. *Frequency dictionary of modern Russian language (based on the data of Russian language national corpus)*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. (In Russian)

Onea E. Indefinite-Interrogative Affinity. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. New Jersey, John Wiley & Sons, Inc., 2020, pp. 1–33. DOI: 10.1002/9781118788516.sem117

Otkupshchikova M. I. *Pronouns of modern Russian language in the structural and semantic aspect*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1984. (In Russian)

Pearl L., Sprouse J. Syntactic islands and learning biases: combining experimental syntax and computational modeling to investigate the language acquisition problem. *Experimental Syntax*



- and Island Effects. Vol. 20.* Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 23–68. DOI: 10.1080/10489223.2012.738742
- Rowland C. F., Pine J. M., Lieven E. V. M., Theakston A. L. The Incidence of Error in Young Children's Wh-Questions. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 2005, vol. 88, iss. 2, pp. 384–404. DOI: 10.1044/1092-4388(2005/027)
- Satiukova D. N., Voeikova M. D. Features of functioning of the pronoun *takoi* in oral spoken speech. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 184–224. (In Russian)
- Trajkovski M. Nobody and nothing: About the meaning of negative indefinite pronouns. *Theoria, Beograd*, 2018, vol. 61, iss. 4, pp. 5–19. DOI: 10.2298/THEO1804005T
- Trufanova I. V. Indefinite pronoun *kakoi*. *Ekologija iazyka*. Penza, Penza State University Press, 2016, pp. 18–23. (In Russian)
- Trufanova I. V. Negative pronoun *chto*. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 625–658. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-625-658 (In Russian)
- Tseitlin S. N. Semantic category of possession in Russian language and its acquisition by a child. *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi*. St Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2007, pp. 201–219. (In Russian)
- Tseitlin S. N. On the question of the development of an intermediate language system in a child: observations of the acquisition of negative constructions. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 623–650. (In Russian)
- Urunova R. D., Azitova G. Sh. On the question of features of quantifier pronouns. *Izvestia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 6 (139), pp. 124–128. (In Russian)
- Van Valin R. D. The acquisition of WH-Questions and the Mechanisms of Language Acquisition. *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. Mahwah, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 1998, pp. 221–249.
- Zalizniak A. A., Paducheva E. V. Russian adjective pronoun *vsiakii*: semantics and idiomatics. *Voprosy iazykoznanii*, 2020, no. 1, pp. 7–26. DOI: 10.31857/S0373658X0008264-9 (In Russian)

#### Сведения об авторе

*Краснощечкова Софья Викторовна*

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

Институт лингвистических исследований РАН

Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9

*Sofia V. Krasnoshchekova*

PhD in Philology, Associate Professor

Peter the Great St Petersburg Polytechnic University

29, Polytechnicheskaya ul., St Petersburg, 195251, Russian Federation

Institute for Linguistic Studies of the RAS

9, Tsuchkov per., St Petersburg, 199053, Russian Federation

E-mail: ndhito@mail.ru

Author ID (Russian Citation Index): 789382

SPIN-код: 3012-7590

Scopus Author ID: 57190568433

ORCID: 0000-0001-8830-5121

WoS Researcher ID: AAR-6848-2021